Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 204–220.
Yearbook Japan, 2018, vol. 47, pp. 204–220.
DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10009

Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: вокруг «Маньчжурского инцидента»

В. Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу реакции французских политиков и политических аналитиков на новый этап японской экспансии в Китае – оккупацию Маньчжурии осенью 1931 г., известную как «Маньчжурский инцидент». В то время как Лига Наций и правительства почти всех великих держав осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, ряд влиятельных французских политических писателей, преимущественно правой ориентации, открыто выступили в поддержку её континентальной политики. По их мнению, которое наиболее подробно и аргументированно сформулировал ведущий политический аналитик монархического националистического движения Action française Жак Бенвиль (1879–1936), только Япония могла принести в раздробленный после Синьхайской революции 1911 г. Китай «мир и стабильность». При этом французские политики и аналитики даже левой ориентации, такие, как социалисты Поль Фор и Жозеф Поль-Бонкур, признавали, что перенаселённой Японии необходимо пространство для колонизации и экономической эксплуатации, которое она может получить в Маньчжурии, дав стимул развитию этого региона. Французские политики и аналитики не усматривали в японской экспансии на континент угрозу своим колониальным владениям в Индокитае или экономическим интересам и правам в Китае. Напротив, они видели в ней потенциальную защиту от «коммунистической угрозы», исходившей от СССР и китайских коммунистов, которая могла прямо затронуть французские владения путём развития в них антиколониального, национального освободительного движения. Жак Бенвиль предупреждал, что конфликт Японии с Лигой Наций, прежде всего, ослабит позиции европейских держав в их азиатских колониях, а также будет способствовать усилению противоречий между Японией и США и, следовательно, росту нестабильности во всей Азии. Изучение восприятия во Франции континентальной политики Японии не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но позволяет лучше понять её политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

***Ключевые слова*:** Япония, Франция, Маньчжурия, Китай, Лига Наций, экспансия, колонизация.

***Автор*:** *Молодяков Василий Элинархович*, доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

После Синьхайской революции 1911 г. и распада Китая как единого государства Маньчжурия, или «Три восточные провинции» (Фэнтянь,

Гирин, Хэйлунцзян), стала фактически независимым локальным режимом «старого маршала» Чжан Цзолиня, то сотрудничавшего, то конфликтовавшего с «северным» (пекинским) правительством. «Северное» правительство представляло Китай на Парижской мирной конференции 1919 г. и Вашингтонской конференции 1922–1923 г., однако в первом случае его контролировала аньхойская милитаристская клика, во втором – чжилийская. В ходе очередного конфликта с чжилийцами «северный» президент Сюй Шичан 10 мая 1922 г. лишил Чжан Цзолиня всех должностей, в ответ на что четыре дня спустя «старый маршал» провозгласил автономию Трёх восточных провинций. Заявив, что они «не могут быть признаны частью Китайской Республики», Чжан Цзолинь подтвердил верность прежним международным договорам империи и республики с оговоркой, что отныне «любой договор, касающийся Маньчжурии, может быть заключён Пекинским правительством с одобрения маршала». Так, 20 сентября 1924 г. в Мукдене было подписано «Соглашение о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях», закреплявшее заключённые 31 мая 1924 г. в Пекине соглашения, которые урегулировали советско-китайские отношения (подробнее [Каретина]).

Борьба Гоминьдана и Коммунистической партии Китая против локальных милитаристских режимов беспокоила маньчжурского правителя, препятствовавшего проникновению «красных» на подконтрольную ему территорию, но следовавшего принципу «враг моего врага – мой друг». Когда в октябре 1924 г. Гоминьдан разгромил пробританскую кантонскую группировку («бумажные тигры») и начал готовить поход против пекинского режима, который возглавлял лидер чжилийцев Цао Кунь, Чжан Цзолинь включился в борьбу, как и правитель провинции Шэньси Фэн Юйсян, сотрудничавший с СССР. Заняв Пекин и свергнув Цао Куня, 24 ноября 1924 г. они поставили во главе правительства экспремьера Дуань Цижуя из аньхойской клики, выбранного в качестве компромиссной фигуры. Однако в непрекращавшемся соперничестве сегодняшние союзники завтра становились врагами, и в новой комбинации Чжан Цзолинь объединился с лидером чжилийцев У Пэйфу, чтобы в марте 1926 г. отрешить от власти Дуан Цижуя, а месяцем позже занять столицу.

Закрепившись в своей вотчине, Чжан Цзолинь держался в стороне от борьбы Гоминьдана с другими кликами и режимами, но решил воспользоваться ею для расширения сферы своего влияния. Под предлогом «борьбы с большевизмом» он начал сотрудничать с США и Великобританией и принимать их помощь, что означало отход от прояпонской ориентации. 18 июня 1927 г. он объявил себя главой пекинского правительства и верховным главнокомандующим, хотя фактически оставался лишь локальным лидером. Возобновлённый Гоминьданом 10 апреля 1928

г. Северный поход «против милитаристов и коммунистов» привел к серьёзному конфликту с Японией, в котором Чан Кайши, стремясь завершить «решительный бой Нанкина с Пекином», уступил и согласился на дипломатическое урегулирование, а потому отказался от призыва Чжан Цзолиня объединить силы против Японии. Под угрозой поражения «старый маршал» 2 июня объявил об отводе войск в Маньчжурию и днём позже покинул столицу. Утром 4 июня он погиб в результате взрыва поезда, который был организован офицерами Квантунской армии. Северный поход закончился, когда 5 июня войска Народно-революционной армии Чан Кайши вошли в Пекин, но остановились у границ Маньчжурии.

Власть в Маньчжурии перешла к сыну Чжан Цзолиня Чжан Сюэляну, известному как «молодой маршал», который 8 июня поздравил Чан Кайши с вступлением в Пекин. Чжан Сюэлян был введен в состав «национального правительства» и назначен заместителем главнокомандующего и командующим Северо-Восточной армией. Унаследовав полноту власти в фактически независимой Маньчжурии, он с согласия Нанкина продолжал антияпонскую и антисоветскую политику, апогеем которой стала попытка захвата в 1929 г. Китайской восточной железной дороги (КВЖД), приведшая к вооруженному конфликту и поражению мукденского режима.

Эта экспозиция необходима для понимания не только причин и характера «Маньчжурского инцидента», как в Японии называли оккупацию Маньчжурии частями Квантунской армии осенью 1931 г., но и реакции на него других стран и Лиги Наций. Переход экспансии на континенте в активную фазу, завершившуюся провозглашением 1 марта 1932 г. «независимого» государства Маньчжоу-го (де-факто японского протектората), изменил баланс сил в регионе, что не могло не вызвать ответной реакции.

19 сентября 1931 г. Мукден был занят Квантунской армией, которая к середине дня уже контролировала всю полосу отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД, яп. *Мантэцу*). Китайское правительство предъявило протест и 21 сентября обратилось в Лигу Наций. Япония являлась постоянным членом Совета Лиги с момента её создания в 1919 г., закрепив своё признание в качестве «великой державы». Китай незадолго до рассматриваемых событий был избран временным членом Совета. Рассмотрение и арбитраж конфликтов между участниками Лиги Наций входили в обязанности Совета, однако он впервые столкнулся с военными действиями подобного масштаба, хотя и проходившими без формального объявления войны. США не входили в Лигу Наций, но не остались в стороне. 22 сентября госсекретарь Генри Стимсон заявил японскому послу Дэбути Кацудзо, что «маньчжурская проблема» касается не только Японии и Китая. 24 сентября Токио ответил,

что не имеет к Китаю территориальных претензий и выведет войска в пределы прежней дислокации. Однако все слои общества одобряли действия армии как «патриотические» и осуждали «нерешительность» власти. Как отметил А. Н. Мещеряков, «чрезмерное единение вышло в перспективе боком. Отсутствие разных мнений и сколько-нибудь сильной оппозиции лишило японское общество иммунитета против правительственных авантюр» [Мещеряков, с. 701].

На заседаниях Совета Лиги Наций под председательством французского делегата Жозефа Поль-Бонкура обычная даже при рассмотрении конфликтных ситуаций атмосфера взаимной корректности сменилась напряжённостью и непримиримостью, доходившей до взаимных оскорблений [Paul-Boncour, с. 198–199]. Настаивая, что это лишь двусторонняя проблема, Япония отвергла резолюцию Совета Лиги с предложением вывести войска и приступить к переговорам с Китаем при участии нейтральных стран, принятую 24 октября всеми голосами против одного (Япония). Ответом на продолжающееся наступление Квантунской армии стала «доктрина Стимсона»: 7 января 1932 г. в ноте правительствам Японии и Китая госсекретарь США заявил о непризнании «любой ситуации, договора или соглашения», которые противоречат Пакту Бриана-Келлога 1928 г., т. е. являются результатом разрешения проблем военными средствами. 11 марта Лига Наций единогласно присоединилась к этой формуле (Япония и Китай в голосовании не участвовали).

Правительства «великих держав», прежде всего Великобритании и Франции как наиболее влиятельных членов Лиги Наций, приняли сторону Китая и – впервые с момента создания Лиги – осудили политику Токио. Однако они не предприняли конкретных действий по противостоянию экспансии, включая применение болезненных для бедной природными ресурсами Японии экономических санкций, и по оказанию военной помощи Китаю, поскольку считали возможным достичь компромисса. То есть, по словам Поль-Бонкура, удовлетворить «то законное, что было в потребностях экономической экспансии Японии, но не допустить её до развязывания войны, вторжения на <чужую> территорию и убийства людей ради достижения этого» [Paul-Boncour, с. 199]. «Великие державы белой расы потеряли лицо, поскольку договор, выполнение которого они гарантировали, – Договор девяти держав (1922 г. – *В.М.*) – был открыто нарушен, но ни одна из них не вмешалась, чтобы воспрепятствовать этому», – отметил позже французский политик Пьер-Этьен Фланден [Flandin, с. 137].

Неспособность Лиги Наций разрешить «маньчжурскую проблему» перед лицом отказа Японии поступиться завоёванным и отсутствия средств принудить её к этому стали первым очевидным свидетельством кризиса организации, создание которой считалось «венцом»

послевоенного миропорядка. «Поражение оказалось полным. Китай не только не получил сколько-нибудь заметной помощи, а Япония, неподчинившаяся и недовольная словесными демонстрациями, с шумом покинула Лигу Наций», – констатировал в конце Второй мировой войны Поль-Бонкур [Paul-Boncour, с. 203].

«Лига Наций, на которую возлагалось столько надежд, – подытожил тридцать лет спустя французский политик Жорж Боннэ, ещё один свидетель и участник событий, – в дальневосточном вопросе не выполнила свою задачу и показала неисправимую беспомощность. <…> Япония совершила акт бесспорной агрессии против Китая в тот момент, когда была справедливо уверена, что американцы и англичане не вмешаются, будучи поглощены беспрецедентным экономическим кризисом. <…> Для Лиги Наций это стало решающим испытанием. Добьётся ли Китай, что Япония будет признана агрессором? Получит ли он помощь и поддержку, предусмотренные статьёй 16 пакта <Бриана-Келлога>? Факты были настолько очевидными, что защищать позицию Японии не представлялось возможным. На кон были поставлены всё будущее и престиж Лиги Наций. На протяжении двенадцати лет (с момента создания Лиги в 1919 г. – В.М.) самые красноречивые голоса повторяли, что отныне в случае агрессии все мирные государства поднимутся в едином порыве. Сколько торжественных обещаний, наконец, вступит в силу. То же, что случилось на деле, по малодушию и лицемерию превзошло всё, что можно вообразить. <…> Китай так никогда и не добился формальной констатации японской агрессии, что заставило бы применить статью 16 пакта! <…> Лига оказалась неспособной признать даже материальный факт агрессии» [Bonnet, с. 118–121].

Запоздалое негодование Боннэ относилось не только к действиям Токио, но к политике Франции и Великобритании, направлявших курс Лиги Наций, и США, влиявших на её действия. Япония считалась «великой державой», а конфликт с ней мог быть чреват мировой войной. Китай же оставался не столько субъектом, сколько объектом мировой политики, статус которого в глазах «великих держав» был несопоставим со статусом Японии и, тем более, их собственным. Поэтому нанкинское правительство выбрало «пассивное сопротивление» и развернуло пропагандистскую кампанию за границей, рассчитывая если не на военную помощь, то на поддержку мирового общественного мнения, чтобы выиграть время для подготовки к войне.

Общественное мнение «великих держав», включая ведущих политических аналитиков и «большую прессу», в целом приняло сторону Китая и Лиги Наций, критикуя и осуждая действия Токио. Прежде всего это относится к англоязычной, британской и американской, печати и политической литературе, влияние которой было глобальным, – там Япония почти не находила союзников или сочувствующих. Более

сложную картину являло общественное мнение Франции, правительство, политические круги и пресса которой были заняты почти исключительно внутренними (прежде всего экономическими) и европейскими проблемами. Важный сегмент французского «политикума» одобрил и поддержал японскую экспансию в Китае, причём с точки зрения как региональной, так и глобальной политики. И дело было не только в том, что, по утверждению работавшего на режим Чан Кайши французского юриста Жана Эскарра, «Япония предпринимала колоссальные пропагандистские усилия, покупая во всех странах – *прежде всего во Франции* (выделено мной. – В.М.) – значительную часть прессы» [Escarra, 1937, с. 7]. Если денег и было потрачено много, эффект оказался недостаточным.

Такую позицию занял ряд видных аналитиков и публицистов, известных во французской политической терминологии как «крайне правые» (extrême droite). Прежде всего это относится к монархическому движению Action française («Французское действие»). Если присутствие монархистов в конкретной политике «кабинет – парламент – партии» сводилось к горстке депутатов, не способных влиять на принятие решений, то в идейной и интеллектуальной сфере движение, возглавлявшееся выдающимися мыслителями и публицистами, имело национальное значение, а его одноимённую ежедневную газету читала вся элита страны, включая непримиримых противников.

Вождь и идеолог Action française Шарль Моррас и его ведущий публицист Леон Доде уделяли главное внимание внутренней политике и европейским делам, поэтому о событиях на Дальнем Востоке высказывались крайне редко. Они безусловно поддерживали Японию как носителя «порядка», противостоящего и «хаосу», который царит в раздробленном Китае, и «большевистской экспансии», в которой наряду с антиколониальной политикой Коминтерна видели главную опасность для региона, включая Французский Индокитай. Политическая элита Франции «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin, с. 131]. Реальной угрозы для них со стороны Токио в тот момент она не усматривала, но, принимая во внимание слабость военной позиции Индокитая, стремилась воздерживаться от любой конфронтации с Японией.

Сторонники этой позиции были и на противоположном политическом фланге. Видный социалист, затем лидер «неосоциалистов» Марсель Дэа констатировал «неспособность нанкинского правительства поддерживать порядок в Китае, ввергнутом в пучину гражданской войны». «Как можно отрицать, – писал он в позднейших мемуарах, – что перед лицом безграничного китайского хаоса японцы, какими бы они ни были, олицетворяли порядок? Как можно отказываться видеть, что этот порядок, нравится он кому-то или нет, скопирован с европейских

методов, апеллируя, пусть косвенно, к западной цивилизации? И кто кроме Японии мог вообще поддерживать порядок в этой желтой бескрайности?» [Déat, с. 242].

Важное место в публицистике Action française занимала критика Лиги Наций с момента её создания. Моррас и Доде считали Лигу бессильной и потому бесполезной организацией – вспомним приведённые выше слова Боннэ, хотя их автор никогда не принадлежал к монархическому или «крайней правому» лагерю. Напротив, апологетами Лиги выступали непримиримые политические противники Action française во главе с Аристидом Брианом и Поль-Бонкуром.

Позицию Action française по «маньчжурской проблеме» наиболее полно изложил историк и публицист Жак Бенвиль, считавшийся в монархических кругах главным специалистом по вопросам мировой политики, которые он ежедневно комментировал на протяжении десятилетий. Если мнения американских и британских аналитиков и публицистов о событиях в Северо-Восточной Азии отражены в исторических исследованиях, реакция общественного мнения Франции, и лично – влиятельного Бенвиля, до сих пор остаётся вне поля зрения исследователей (исключение – биография Бенвиля с разбором его взглядов на мировую политику [Decherf, с. 293–296]).

Приступив к анализу «Маньчжурского инцидента», Бенвиль[1] сразу использовал аргумент о необходимости для Японии эмиграции её избыточного сельскохозяйственного населения и наличия новых рынков сбыта, который принимал во внимание даже такой критик японской политики, как Поль-Бонкур [Paul-Boncour, с. 198–199]. Лидер французских социалистов Поль Фор ещё 2 марта 1929 г., выступая в палате депутатов, предупреждал: «Шестьдесят миллионов японцев живут на земле, которая, по мнению всех знатоков, не может прокормить больше пятидесяти миллионов. Вчера число родившихся на миллион превосходило число умерших, и миллион людей мог отправиться в Соединённые Штаты и британские доминионы. Сегодня границы Соединённых Штатов и британских доминионов закрыты. После попыток снижения потребления и ограничения рождаемости перенаселённая Япония готова на всё, чтобы найти новое пространство за границей, если понадобится, путём войны» [Faure, с. 25].

Не будем сейчас дискутировать, насколько справедлив был этот аргумент, к которому Япония, официально и неофициально, регулярно прибегала для оправдания своей экспансии. Важно, что его принимали всерьёз, с ним считались и те французские политики, которые эту экс-

[1] Генезис позиции Бенвиля в отношении Японии и её политики подробнее освещён в моём докладе «Жак Бенвиль о континентальной политике Японии в Китае: “Маньчжурский инцидент” и его последствия», представленном на конференции «Общество и государство в Китае» в 2018 г.

пансию не одобряли. Те же, кто её поддерживал, получили хороший «козырь». «Много говорят об убыли населения как о бедствии, – писал Бенвиль 16 октября 1931 г., – но надо помнить, что переизбыток населения – не меньшее бедствие. <...> Именно в этом вечная причина миграций и вторжений. Если нынешний прирост населения Японии будет сохраняться (а у нас нет оснований предполагать обратное), через несколько лет оно достигнет 100 миллионов человек, которым надо будет где-то жить. Маньчжурия, не будучи землёй обетованной, может помочь решению проблемы этого избытка населения» [Bainville, 1949, с. 147].

Напомнив соотечественникам об экономическом проникновении Японии в регион и его позитивных материальных плодах: «Железные дороги, порты, шоссе, сами города – всё это её творение», Бенвиль едва ли не прямо намекнул на сравнение с «цивилизаторской» деятельностью французов в Индокитае. Указав на доселе мирный, преимущественно экономический характер экспансии, аналитик справедливо отметил, что Токио «не пожелает отказываться от плодов своих трудов». Скептически отозвавшись о попытках держав и Лиги Наций, которую он подобно Моррасу и Доде считал бессильной, вмешаться в конфликт между Японией и Китаем, Бенвиль признал важность предотвращения новой войны (трудно представить, что он заявил бы иное) и одновременно подчеркнул: «Необходимо уравновесить избыток населения и дать всем средства к существованию, но данная задача явно превосходит возможности Лиги Наций, не говоря о возможностях китайского правительства» [Bainville, 1949, с. 148]. То есть, по мнению французского аналитика, решение проблемы – реальной или надуманной – перенаселённости Японии путём мирной иммиграции на континент может разрядить политическую напряжённость и принести экономические блага.

Следующим региональным конфликтом, вызвавшим международный резонанс, оказалась высадка в конце января 1932 г. японских войск в Шанхае. Поводом стало убийство нескольких японцев, хотя, возможно, это была провокация с целью отвлечь внимание от событий в Маньчжурии. Кровопролитие стало предметом разбирательства в Лиге Наций, поскольку, по признанию Поль-Бонкура, в Шанхае «было задействовано слишком много европейских и американских интересов, чтобы Совет не нашёл достаточных оснований для убеждения Японии в том, что продолжать там войну неблагоразумно» [Paul-Boncour, с. 199].

Поль-Бонкур отметил, что, несмотря на ведение полномасштабных боевых действий, ни Япония, ни Китай не объявили друг другу войну и даже не разорвали дипломатические отношения [Paul-Boncour, с. 199]. «Всё время, пока китайцы и японцы бомбардируют и обстреливают друг друга, – писал Бенвиль 6 февраля, – они держат в Женеве своих представителей, и ни те, ни другие не хотят выглядеть агрессорами. <...> Война запрещена, она поставлена вне закона (отсылка к пакту

Бриана-Келлога – *В.М.*). <...> Сегодня это не война, а всего лишь вооружённые столкновения. Новый метод: война приспособлена к запрету войны» [Bainville, 1949, с. 161–162].

Дальнейшее развитие событий побудило Бенвиля отказаться от несколько иронического тона. «Сопротивление китайских войск превзошло ожидания, – отметил он пять дней спустя. – Да, японцы были один против десяти. <...> Но они просчитались. Они не одолели противника так легко, как воображали, и были вынуждены послать за подкреплениями. Так случается нередко. Предварительные оценки мощи армий могут быть чреваты грубыми ошибками. <...> В этой игре возможно проиграть, но по той же самой причине есть шанс и выиграть. <...> На войне даже устоявшиеся репутации могут оказаться ненадёжными» [Bainville, 1949, с. 162–163].

Немалые усилия к урегулированию конфликта приложил японский представитель в Лиге Наций Сато Наотакэ, отношения с которым Поль-Бонкур назвал «дружбой» [Paul-Boncour, с. 200]. «Сегодняшняя депеша из Женевы, – писал Бенвиль 4 марта, – сообщает, что Сато принес хорошие новости: боевые действия в Шанхае прекращены. Уверен, что на устах вестника мира играла та вежливая улыбка, которую японцы сохраняли на протяжении всего инцидента». Перемирие было заключено на японских условиях – отсюда и предполагаемая улыбка Сато. «Внеочередное заседание, созванное сегодня утром по требованию Китая, предстало перед свершившимся фактом. <...> Всё решила, всё рассудила сила оружия» [Bainville, 1949, с. 163]. Заметим, что французская журналистка Андрее Виолли, находившаяся в то время в Токио, вынесла из разговора с министром иностранных дел Ёсидзава Кэнкити (который до декабря 1931 г. был послом в Париже и представителем в Лиге Наций) несколько иное впечатление: завершение «инцидента» стало для Японии «не радостью, но облегчением» [Viollis, с. 26].

Отметив, что храбро сражавшиеся «китайские солдаты были преданы анархией в собственной республике, точнее, в двух республиках, поскольку кантонские войска не были поддержаны нанкинскими», Бенвиль счёл, что исход конфликта «для Лиги Наций является менее славным результатом», поскольку она «ошибочно идентифицировала свою позицию с позицией китайских националистов» [Bainville, 1949, с. 164]. Однако близкий по политическим взглядам к Action française сенатор Анри Лемери в речи 25 марта, назвав «несправедливы[ми] проявления исключительного пессимизма», суммировал: «Юристам предстоит определить, в какой мере Совет Лиги Наций был прав, не признавая Китай и Японию находящимися в состоянии войны и не определяя публично агрессора. Для простого же француза перемирие, заключённое в Шанхае, должно быть занесено в актив Лиги Наций» [Lemery, с. 90].

Бенвиль считал, что страна может уступить в конфликте и даже проиграть войну без фатального ущерба для репутации, но международная организация, тем более претендующая на роль устроителя миропорядка, – не может. «Искренние друзья Лиги Наций опечалены дурацким положением, в которое организацию поставили невежество и легкомыслие её руководителей. Но это мелочи. Ибо на Дальнем Востоке сохраняется политическая ситуация, которую не урегулировать одними фразами» [Bainville, 1949, с. 164]. Поэтому Бенвиль с 1925 г., как только появились подобные планы, принципиально возражал против создания международной армии под эгидой Лиги Наций, в том числе для принуждения агрессоров к миру. Его позицию, которую разделяли все лидеры Action française, выразил короткий и чёткий вопрос: «А если такая армия потерпит поражение?» (цит. по: [Maurras, с. 58]).

Острую критику со стороны Бенвиля вызвало решение Ассамблеи Лиги Наций об осуждении действий Японии в Маньчжурии на основании отчёта «комиссии Литтона». 10 декабря 1931 г. Совет Лиги постановил отправить на Дальний Восток комиссию для изучения ситуации и выработки рекомендаций по урегулированию конфликта. В неё вошли представители Великобритании, Франции, Италии и Германии как постоянных членов Совета, Японии и Китая как конфликтующих сторон. США согласились принять участие в работе; СССР отказался со ссылкой на нейтралитет, что было воспринято как нежелание портить отношения с Токио. 30 сентября 1932 г. отчёт «комиссии Литтона», известной под этим названием по имени председателя, был вручён представителям сторон и вскоре обнародован. Китай был признан «организованным государством», Маньчжурия – «китайской территорией», государство Маньчжоу-го – детищем Квантунской армии, а не выражением воли местного населения.

МИД Японии и военное министерство заявили, что отдельные наблюдения и факты верны, но выводы и рекомендации неприемлемы. Опубликованный 19 ноября ответ Токио был составлен в дипломатичных тонах, но утверждал, что комиссия была дезинформирована и проявила поспешность и предвзятость. Японские аргументы сводились к следующему: 1) Маньчжурия жизненно необходима Японии как сырьевая база, поэтому она более всех заинтересована в мире и стабильности; 2) Япония не претендует на маньчжурские или китайские земли в качестве колоний, но лишь стремится защитить свои законные, закрепленные международными договорами права; 3) последние десятилетия в Маньчжурии и во всём Китае царил хаос (китайский ответ парировал ссылку на «хаос» напоминанием о серии политических убийств в Японии и о попытке военного переворота 15 мая 1932 г.); 4) японцы принесут в Маньчжоу-го стабильность и процветание, что будет выгодно всем его торговым партнёрам. Другие аргументы были адресованы

державам и Лиге: 1) по принципам и обстоятельствам создания Маньчжоу-го формально мало чем отличалось от Польши, Чехословакии или Югославии; 2) Маньчжоу-го подавалось как надёжный барьер против «коммунистической угрозы»; 3) политика Японии сравнивалась с ‘Manifest Destiny’ США; 4) Япония – лучший торговый партнёр для держав, нежели Китай. Одни аргументы были, мягко говоря, спорными. Не соглашаться с другими оставалось делом сознательного выбора. Общественное мнение Японии, включая видных либералов, единодушно поддержало эту позицию.

Весной 1932 г. министр иностранных дел Ёсидзава в разговоре с французской журналисткой А. Виолли назвал толки о возможности выхода Японии из Лиги Наций «фабрикацией прессы» добавив, правда: «Во всяком случае, сейчас». Однако военный министр генерал Араки Садао тогда же сказал ей: «Для Японии покинуть организацию, должную обеспечивать международный мир, – вопрос серьёзный, и мы ещё не рассматривали такую возможность. Но я должен указать на следующее: мы не можем беспрекословно согласиться с тем, что некоторые малые страны, не имеющие реальных интересов в Маньчжурии или Шанхае, и достаточного понимания ситуации, противостоят нам в вопросе, имеющем значение жизни или смерти для нашей страны. Говоря так, я выражаю общее мнение японского народа». «Порядок и мир должны быть сохранены любой ценой, – многозначительно добавил генерал, считавшийся если не лидером, то идеологом наиболее воинственно настроенных националистических кругов. – Мы знаем, как защитить их от любых покушений, будь то внутренних или внешних. <…> Маньчжурия драгоценна для нас не только с экономической, но и со стратегической точки зрения. Это часть оборонительной системы Японии. <…> Ни Лига Наций, ни Москва не остановят нас. Мы никогда не свернём с пути и готовы преодолеть любые препятствия» [Viollis, с. 27–33].

Рассмотрение вопроса перешло в финальную стадию, и 24 февраля 1933 г. настал «судный день». Ассамблея Лиги Наций признала суверенитет Китая над Маньчжурией и одобрила отчёт «комиссии Литтона» 42 голосами против одного. Глава японской делегации Мацуока Ёсукэ, бывший вице-президент ЮМЖД, заявил, что попытки его правительства сотрудничать с Лигой исчерпаны, покинул зал заседаний и в тот же день выехал из Женевы. 27 марта были опубликованы императорский эдикт и правительственное сообщение о выходе из Лиги Наций. Для самих японцев в этом не было ничего неожиданного, потому что идея разрыва с Лигой открыто обсуждалась в прессе годом раньше, в том числе со ссылкой на неучастие в этой организации США и СССР – «двух великих держав, с которыми нам (японцам. – *В.М.*) надо считаться» [Viollis, с. 37–38]. Она нашла немало сторонников, включая Мацуока, так что его назначение главой делегации предрешало исход дела.

«Лига Наций так постаралась, – заявил Бенвиль 25 февраля с необычной для него горячностью, – что Япония порвала с ней. <...> Лига предпочла Китай Японии, не просчитав последствия. Ах, если бы она послужила этим делу мира! Но война на Дальнем Востоке возобновится. Лига Наций вынуждает говорить о себе, что она бессильна делать добро, зато может принести много зла» [Bainville, 1949, с. 199]. «Неужто женевские законники сделали самый удачный выбор между Китаем, представляющим беспорядок, и Японией, представляющей порядок?» – вторил ему еженедельник Je suis partout, близкий к Action française (цит. по [Dioudonnat, с. 43]).

Правовые аспекты японо-китайского конфликта, в ходе которого обе стороны прибегли к помощи и услугам европейских и американских юристов, лежат за пределами настоящей статьи, однако необходимо отметить участие в этом двух видных французских правоведов. Профессор юридического факультета Сорбонны Жан Эскарра с 1921 по 1929 г. работал советником Чан Кайши и готовил для него Гражданский кодекс 1929 г., а позднее опубликовал серию работ о действующем праве Китая, акцентируя внимание на его современности и достоинствах ([Escarra, 1931], [Escarra, 1936]). Неудивительно, что именно ему Европейский центр Фонда Карнеги в Париже поручил прочитать в январе–феврале 1933 г. шесть публичных лекций о правовых аспектах «маньчжурской проблемы» с точки зрения Китая. В марте–мае 1933 г. с таким же количеством лекций ему оппонировал специалист по гражданскому и международному праву Жан Рей, служивший юрисконсультом японского посольства во Франции [Ray]. В дальнейшем оба продолжали отстаивать позиции представляемых ими стран. Этой «дуэли» с участием других французских юристов автор планирует в будущем посвятить отдельную работу.

Разрыв Японии с Лигой Наций Бенвиль оценил как её разрыв с Западом и, соответственно, ослабление Запада. «Япония отсекает себя от Европы. Революция, которую она упорно осуществляла на протяжении семидесяти лет (т. е. с *Мэйдзи исин*. – *В.М.*), закончилась. Япония не только гордилась тем, что вестернизируется. Она не просто перенимала внешние, механические формы западной цивилизации. Она хотела участвовать в европейской жизни. Даже её война с Россией была не более чем эпизодом. <...> Зададимся вопросом: не подчинилась ли Лига, приняв неразумное и даже противоречащее разуму решение в пользу анархического, националистического и наполовину большевизированного Китая, внешнему влиянию, а именно влиянию Соединённых Штатов? Именно внешнему, потому что Соединённые Штаты не являются членом женевской ассоциации» [Bainville, 1949, с. 199].

Азиатский курс Вашингтона Бенвиль оценил как потенциально опасный. «На протяжении многих лет американская политика из страха

перед Японией старалась её изолировать. Это дело американцев, но оно не к добру. Соединённым Штатам уже удалось разорвать союз, соединявший англичан и японцев, – они добились этого на Вашингтонской конференции. И что, дела на Дальнем Востоке пошли лучше? Когда Япония порвёт с остальным цивилизованным миром, когда она уже ни на кого не будет оглядываться, вот тогда, может, и произойдёт тот конфликт на Тихом океане, который многие предсказывают» [Bainville, 1949, с. 199–200].

В другой статье Бенвиль выразился ещё резче. «Когда-нибудь мы узнаем, какие расчёты, какие манёвры заставили Лигу исключить Японию. Потому что не Япония ушла, но Лига её выгнала. В любом обществе, в любых отношениях это не вызвало бы ни малейших сомнений. Вы предупреждаете, что если вам не будут даны такие-то гарантии, не будут исполнены такие-то договорённости и соблюдены такие-то условия, наконец, если вам будет отказано в одном, а другое сделано против вашей воли, – дальнейшее ваше пребывание в этом доме невозможно. Вы привели свои аргументы и доказательства доброй воли. Они поступили по-другому. Кто хотел разрыва? Именно это случилось с Японией. <...> Всё, что можно было сделать для разрыва Японии с Лигой, было сделано». «Решение, принятое Лигой Наций в пользу так называемого Нанкинского правительства, необъяснимо, – добавил французский аналитик. – Потому что его не объяснить ни идеологией, ни просто глупостью» [Bainville, 1937, с. 277–278].

Бенвиль оценивал антияпонский курс Лиги Наций с точки зрения возможных последствий, прежде всего, для Франции и её азиатских владений. «Манёвр по изоляции (Японии. – *В.М.*) предваряет маневр по окружению. Япония уже заранее названа агрессором. Манёвр соответствует взглядам американского правительства, концепции «открытых дверей» в Китае и боязни конфликта на Тихом океане. Интересам европейских держав он решительно не соответствует. Поддержание мира в Азии и окружающих её водах путём разрыва с Японией – это не просто иллюзия, не просто заблуждение. Это ошибка. Лига выступила против единственного сторонника, носителя и гаранта западной цивилизации на Дальнем Востоке. Японцев отвадили от продолжения долгих и достойных уважения усилий по поддержанию контакта с Западом. Об этом придётся пожалеть» [Bainville, 1937, с. 278].

Чем конкретно это угрожало? «Представьте, что Япония, порвав с Англией и Францией, примет сторону Германии. Какой набег она может устроить от Манилы до Сайгона, от Сингапура до Цейлона. Мы *это* хотим ей позволить при первых же трудностях, с которыми столкнутся европейские страны, имеющие владения в Азии?» [Bainville, 1949, с. 200].

Современники не зря называли Бенвиля «Кассандрой», поскольку обычно сбывались худшие его предсказания – худшие с точки зрения интересов Франции. Позиция официального Парижа во время «Мань-

чжурского инцидента» и после него ухудшила отношения с Японией и стала частью процесса, толкнувшего Токио на самоубийственный союз с нацистской Германией.

Среди французских авторов, одобрявших или поддерживавших японскую политику в Китае особое место занимал Жан Фонтенуа, которого его биограф Ф. Вильже определил словами «авантюрист, журналист и писатель». Его извилистый политический путь пролёг от коммунизма в начале 1920-х до нацизма в начале 1940-х годов. Полная приключений жизнь поочерёдно забрасывала Фонтенуа в СССР (шеф московского бюро агентства «Гавас», приятель Маяковского и лефовского круга, где его звали «Фонтанкин», а десять лет спустя «нелегал» в поисках сенсаций), Китай (издатель газеты в Шанхае, собеседник Чан Кайши и советник нанкинского правительства), Японию (очарован красотой и организованностью), Испанию (на стороне Франко), Германию (очарован организованностью и трудолюбием), Финляндию (во время «зимней» войны с СССР), снова в СССР (воевал на Восточном фронте в составе Французского добровольческого легиона против большевизма) и в Германию (застрелился в Берлине в последние дни его обороны). Юношеское увлечение коммунизмом после жизни в СССР перешло в стойкий антикоммунизм, хотя русобофом Фонтенуа не стал и «Володю» Маяковского не разлюбил, а выполненный им перевод «Хаджи-Мурата» переиздаётся до сих пор.

Уже первая книга с вызывающим заголовком «Школа ренегата» (1937) ознаменовала превращение Фонтенуа из «журналиста» в «писателя», то есть повышение литературного статуса. Моррас оценил это автобиографическое повествование с элементами памфлета как «возвращение к реальности» [Vilgier, с. 154–155], хотя позднейшие германофильские и пронацистские выступления Фонтенуа были для него неприемлемы. Китаю и Японии в «Школе ренегата» уделено сравнительно мало места. Подробнее о своей дальневосточной одиссее, заслуживающей отдельного исследования, Фонтенуа рассказал в книгах «Тайный Шанхай» (1938), принесшей ему известность и переведённой на английский язык, и «Грёза путешественника» (1939). Последнюю автор писал в разгар японо-китайской войны, когда японцы господствовали не только в Маньчжурии, но и в стратегически важной части Китая, включая побережье, а дело Чан Кайши, поредевшие силы которого были загнаны вглубь страны, могло считаться проигранным. Книга рассказывала не о сегодняшнем дне, но о событиях десятилетней давности, предшествовавших «Маньчжурскому инциденту», свидетелем которых был автор.

Обосновавшись на территории французской концессии в Шанхае, Фонтенуа поддерживал дружеские отношения с китайскими чиновниками, военными (ему даже приписывали роман с Сун Мэйлин, женой Чан Кайши) и журналистами, что открывало доступ к информации и

позволяло урегулировать бесконечные «проблемы», порождённые политическим хаосом и тотальной коррупцией. Распрощавшись с коммунистической идеологией равенства рас, Фонтенуа не стал ни адвокатом колониализма, ни синофобом, но вряд ли воспринимал китайцев как равных. Осознание глубины кризиса, переходящего в хаос, который много путешествовавший журналист повсеместно видел своими глазами, господства беспринципных милитаристов и преступных «триад», растущей силы коммунистов, которых он считал главной угрозой, – всё это подвело Фонтенуа к выводу о благодетельности японской экспансии в Китае как единственного способа обеспечить здесь порядок и безопасность. «Японская интервенция, – добавил он, – восстановила (в Китае. – *В.М.*) престиж иностранцев в целом», а в частности укрепила позиции здешних христиан [Fontenoy, с. 46–47].

Повлияла на него и первая, короткая поездка в Японию в 1929 г., за которой последовали другие, всего «четыре или пять». Первое впечатление – восхищённое – повторялось и укреплялось с каждым разом. «В мире точно нет другого народа с такой способностью – от элиты до простолюдинов – усваивать, умно вдохновляться полезными примерами, которые они замечают вокруг. Ни в коем случае не стоит смешивать этот дар с тем, как “модернизируют” себя китайцы. Разбогатев и перебравшись из деревни в город, бывший кули обзаводится сигарой, костюмом-тройкой, автомобилем и виски… В Японии это организация, американские машины, методы (французской военной академии. – *В. М.*) Сен-Сир, схватываемые на лету. Это не обезьянничанье, как в китайских кварталах Шанхая. <…> Японцы с изумительной остротой отличают внешнее от главного, от важного (сравним с приведенной выше фразой Бенвиля на ту же тему. – *В.М.*) Японцы не копируют (не лишне повторить это снова) – они усваивают, то есть делают *своим* то, что впитали из европейских достижений. Они не только сохраняют всё, что могут, из своей национальной самобытности, но с каждым шагом, вопреки прогрессу или вместе с ним, их цивилизация остаётся во всём сугубо и бесспорно японской» [Fontenoy, с. 201–202].

Восприятие и оценку во Франции континентальной политики Японии можно считать частным эпизодом истории международных отношений первой половины XX века, однако исследование этой не изученной ни в России, ни в Японии темы не только обогащает нас новыми знаниями, но позволяет лучше понять политическую философию эпохи и функционирование пиар-механизмов, чьё влияние на протяжении столетия постоянно возрастало. Автор намерен и далее продолжать эту работу.

Библиографический список

Каретина Г. С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. М.: Наука, 1984. 200 с.

Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. 736 с.

Bainville J. Journal, 1927–1935. Paris: Plon, 1949. 285 c.

Bainville J. La Russie et la Barrière de l'Est. Paris: Plon, 1937. 295 c.

Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous trois Républiques. Paris: Fayard, 1961. 528 c.

Déat M. Mémoires politiques. Paris: Denoel, 1989. 990 c.

Decherf D. Bainville. L'intelligence de l'histoire. Biographie. Paris: Bartillat, 2000. 429 c.

Dioudonnat P.-M. «Je suis partout», 1930–1944. Les maurrassiens devant la tentation fasciste. Paris: La table ronde, 1973. 472 c.

Escarra J. La Chine et le droit international. Paris: Pedone, 1931. 419 c.

Escarra J. Le droit chinois. Conception et évolution. Paris: Sirey, 1936. 560 c.

Escarra J. Réflexions sur la politique du Japon à l'égard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel. <Perpignan, 1937>. 28 c.

Faure P. De Munich à la Cinquième République. Paris: L'Elan, 1948. 274 c.

Flandin P.-E. Politique française. 1919-1940. Paris: Les Editions Nouvelles, 1947. 466 c.

Fontenoy J. Le songe du voyageur. Paris: Bernard Grasset, 1939. 286 c.

Lemery H. De la paix de Briand à la guerre de Hitler. Paris: Jean Vigneau, 1949. 246 c.

Maurras Ch. Jacques Bainville et Paul Bourget. Paris: Cadran, 1938. 74 c.

Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. <Vol. II.> Les lendemains de la victoire. 1919–1934. Paris: Plon, 1945. 435 c.

Ray J. La Position, l'œuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Six conférences faites du 9 mars au 4 mai 1933 au Centre Européen de la Dotation Carnegie à Paris. Paris: Dotation Carnegie, 1933. 164 c.

Vilgier Ph. Jean Fontenoy, aventurier, journaliste et écrivain. Versailles: Via romana, 2012. 366 c.

Viollis A. Le Japon et son empire. Paris: Bernard Grasset, 1933. 264 c.

References

Bainville, J. (1937). La Russie et la Barrière de l'Est, Paris: Plon.

Bainville, J. (1949). Journal, 1927–1935, Paris: Plon.

Bonnet, G. (1961). Le Quai d'Orsay sous trois Républiques, Paris: Fayard.

Déat, M. (1989). Mémoires politiques, Paris: Denoel.

Decherf, D. (2000). Bainville. L'intelligence de l'histoire. Biographie, Paris: Bartillat.

Dioudonnat, P.-M. (1973). «Je suis partout», 1930–1944. Les maurrassiens devant la tentation fasciste, Paris: La table ronde.

Escarra, J. (1931). La Chine et le droit international, Paris: Pedone.

Escarra, J. (1936). Le droit chinois. Conception et évolution, Paris: Sirey.

Escarra, J. (1937). Réflexions sur la politique du Japon à l'égard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel, <Perpignan: n.p.>.

Faure, P. (1948). De Munich à la Cinquième République, Paris: L'Elan.

Flandin, P.-E. (1947). Politique française. 1919–1940, Paris: Les Editions Nouvelles.

Fontenoy, J. (1939). Le songe du voyageur, Paris: Bernard Grasset.

Karetina, G.S. (1984). Zhang Zuolin i politicheskaya bor'ba v Kitae v 20-e gody XX veka [Zhang Zuolin and Political Struggle in China in the 1920s]. M.: Nauka.

Lemery, H. (1949). De la paix de Briand à la guerre de Hitler, Paris: Jean Vigneau.

Maurras, C. (1938). Jacques Bainville et Paul Bourget, Paris: Cadran.

Mescheryakov, A.N. (2006). Imperator Meiji i ego Yaponiya [Meiji Emperor and His Japan]. M.: Natalis.

Paul-Boncour, J. (1945). Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. <Vol. II.> Les lendemains de la victoire. 1919–1934, Paris: Plon.

Ray, J. (1933). La Position, l'œuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Six conférences faites du 9 mars au 4 mai 1933 au Centre Européen de la Dotation Carnegie à Paris. Paris: Dotation Carnegie.

Vilgier, P. (2012). Jean Fontenoy, aventurier, journaliste et écrivain, Versailles: Via romana.

Viollis, A. (1933). Le Japon et son empire, Paris: Bernard Grasset.